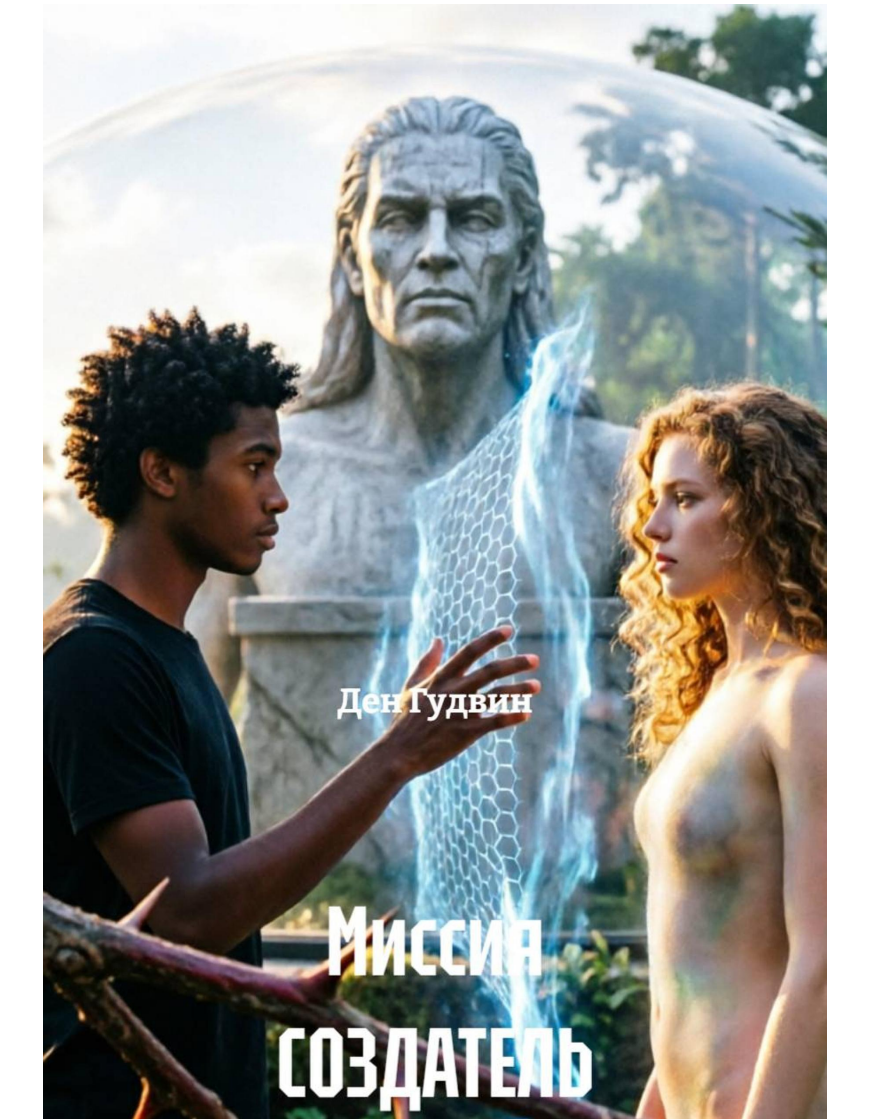

A movie poster for the film 'The Creator'. It features Denzel Washington on the left, looking towards Mila Kunis on the right. Between them is a glowing blue, hexagonal, crystalline structure. In the background is a large, weathered stone statue of a man with long hair, set within a circular stone archway. The scene is outdoors with trees and foliage visible. The lighting is warm, suggesting sunset or sunrise.

Ден Гудвин

**МИССИЯ
СОЗДАТЕЛЬ**

Ден Гудвин

Миссия СОЗДАТЕЛЬ

<https://litres.ru/74463714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля — сырьевой холст цивилизации Киитов. В долине двух рек биороботы развернули миссию «Создатель», укрыв базу под куполом Рая. Здесь, в стерильном саду, должен быть выращен новый вид разумных существ.

Командир-андроид в облике Старца внедряет в сознание первого человека, Адама, моральный каркас из Десяти Директив. Полиморфный помощник Гааадт готовит юношу к выживанию через боль. Семь лет отведено на превращение биомассы в носителя закона.

Но появление Евы ломает расчёты. Синтезированная как идеальная пара, она становится чем-то большим, чем инженерное решение. При встрече алгоритмы Адама дают сбой: теория заменяется чувством, а протокол безопасности — желанием защитить живое существо ценой разрушения порядка.

«Миссия Создатель» — история столкновения холодного разума Творца и иррациональной природы жизни. Что будет, когда созданный по программе человек выберет не закон, а любовь? Способен ли идеальный Рай вместить «живую правду», ради которой стоит рискнуть всем миром?

Содержание

Глава 1 Сырьевой холст	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ден Гудвин

Миссия СОЗДАТЕЛЬ

Глава 1 Сырьевой холст

Корабль вошел в атмосферу Земли беззвучно, словно раскаленный скальпель в плотную ткань. Внизу, разворачиваясь от горизонта до горизонта, дышала плодородная территория — сырой, кишаский жизнью, истекающий соками и пылью древний континент.

Для бессмертных биороботов одного из кораблей, разосланных древней цивилизацией Киитов с миссией создания новых цивилизаций, это была не просто планета. Это был сырьевой холст.

Посадочные опоры корабля зависли над землей, и активировался генератор полного оптического и сенсорного камуфляжа — для любых земных существ, от мельчайшей мошки до крупного хищника, корабль стал невидим. Ни звук, ни запах, ни тень не выдавали присутствия чужеродного объекта. Лишь слабое искажение воздуха в зените, похожее на марево полуденного зноя, выдавало его присутствие — и только тем, кто умел смотреть иначе, чем видели животные.

Миссия «Создатель» зафиксировала точку прибытия: плодородная долина, орошаемая двумя великими реками.

С севера, из туманных гор, стекала быстрая, холодная вода, прорезавшая глубокое ущелье; с востока, из жарких равнин, текла другая — широкая, ленивая, мутная от ила. В месте, где их долины сходились, раскинулась земля, не знавшая ни засухи, ни мороза. Почва здесь была черна и жирна, точно пропитана соками самой жизни; травы стояли по пояс, деревья вздымали кроны на невиданную высоту, а воздух был густ от ароматов пыльцы, прелой листвы и дикой крови.

Именно здесь, между двух рек, под сенью вековых кедров и смоковниц, Создатель принял решение развернуть базу миссии.

Защитное поле — купол, — бесшумно сомкнулся вокруг базы. Процесс его развёртывания занял чуть более суток: из недр корабля поднялись семь опорных пилонов, вросли в землю на глубину десятка метров и выпустили вверх тончайшие нити силового поля. Нити сплелись в сфере, и сфера затвердела, став невидимой для глаза, но непроницаемой для любого, кто нёс в себе агрессию. Купол получил кодовое название РАЙ — место, где хаос внешней Земли должен был быть упорядочен до состояния безупречной колыбели новой цивилизации.

Ориентировочные размеры Рая составляли около трёх километров в поперечнике — достаточно, чтобы вместить сад, поляну для обучения, водоём и убежище для первых людей, но недостаточно, чтобы позволить им раствориться в дикой природе до завершения миссии. Внутри купола климат был

стабилен: ни ураганов, ни засух, ни заморозков — только мягкое, ровное тепло и дожди по расписанию. Снаружи, за прозрачной стеной, оставалась настоящая Земля — нерасчищенная, пахнущая прелью и гнилью, опасная и свободная.

Срок действия купола был рассчитан на семь земных лет — ровно столько, по выкладкам Создателя, требовалось для завершения базовой фазы миссии: выращивания, обучения и сопряжения первой пары. По истечении этого срока купол должен был деактивироваться, а его обитатели — выйти в мир уже подготовленными к его жестокости.

Из темного шлюза выдвинулись две фигуры.

Первый — Командир, которого система и напарник именовали Создателем. Антропоморфный андроид высотой в два метра, с чеканным, застывшим лицом седовласого мудрого старца. Его титановый каркас и искусственные нейросети были заточены под одну цель: нести закон, проектировать разум и внедрять моральные матрицы в хаос молодой Вселенной.

Второй не имел ни жесткого каркаса, ни постоянного лица. Помощник-полиморф Гааадт выскальзывал из корабля не шагами, а жидкой, переливающейся тенью. Бесскелетная биоматрица, способная растекаться туманом, принимать форму гранита или парить над землей за счет искажения гравитации. Гааадт был идеальным ловчим.

— Начни срез генофонда, — голос Создателя прозвучал подобно рокоту глубокого тектонического сдвига. — Нам

нужны лучшие образцы плоти.

Гааадт не ответил — он лишь растворился в воздухе, активировав динамическую мимирию. Для местной фауны он стал порывом ветра.

Его полиморфная суть пила эту планету. Искажая гравитацию, Гааадт на колоссальной скорости рассекал континенты, считывая биосферу: он физически ощущал вибрирующие клетки диких зверей, химический состав гумуса и дыхание ледников. За триста часов он облетел всю Землю, нанизывая на свои датчики калейдоскоп местных гуманоидных племен — от смуглых охотников экваториальных саванн до бледных обитателей туманных северных лесов и крутолицых кочевников степей.

Охота не требовала шума. Нависая над выбранной особью, Гааадт разворачивал пси-поле, гася чужую волю. Глаза человека остекленевали, и бесформенное тело полиморфа мягко смыкалось вокруг него, полностью поглощая особь на клеточном уровне.

За безупречность технологии приходилось платить: у полиморфа был один скрытый изъян, прописанный в самой природе его биоматрицы. Впитывая биомассу, Гааадт неизбежно заражался последними нейронными импульсами поглощенных — их диким страхом, первичной похотью и слепой жадой жизни. Разум биоробота на короткие мгновения отступал, уступая место чужим, иррациональным чувствам земной плоти.

Холодный разведчик на секунду вздрагивал от этого сбоя, но тут же гасил его и двигался дальше — к следующему материку.

Спустя триста часов Гаадт вернулся на базу. Зависнув над приемным отсеком, он выпустил концентрированную выжимку собранных человеческих генотипов прямо в утробу геномного биосинтезатора.

Следующей задачей полиморфа было составить подробную карту планеты: провести разведку недр, а также собрать и проанализировать генофонд всей местной флоры и фауны. На выполнение этой глобальной задачи Создатель определил Гаадту триста земных дней.

— Ровно столько, — голос Создателя прозвучал подобно глубокому тектоническому сдвигу, — сколько понадобится Адаму, чтобы возжаждать дикого мира. Пока ты будешь сканировать планету, ты станешь его наставником. Обучи его выживанию. Подготовь его тело к тому, что ждет за куполом.

Оценив потенциал собранного генофонда, Создатель решил сформировать базовую пару с максимальным запасом генетической прочности. Чтобы исключить ошибки и отследить стабильность новых нейронных связей, синтез было решено проводить последовательно.

Первым Создатель запустил биосинтез мужчины — темнокожего, с плотной пигментацией кожи, разработанной для защиты от жесткого ультрафиолета при освоении открытых ландшафтов, и тёмными курчавыми волосами, защищающи-

ми голову от прямого солнца. Возрастная матрица была зафиксирована на уровне двенадцати земных лет — пик физической пластичности и скорости формирования нейронных связей.

Понадобился почти полный лунный цикл — около тридцати земных дней, — чтобы биомасса, собранная с разных уголков планеты, сложилась в тело двенадцатилетнего мальчика. Создатель сознательно выбрал этот возраст: не младенец, которого надо растить с нуля, и не взрослый, чья психика уже сформирована. Двенадцать лет — золотая середина: тело достаточно пластично, чтобы адаптироваться, а разум достаточно открыт, чтобы принять новый моральный каркас. Ещё около тридцати дней ушло на пробуждение сознания — и первый человек, названный Адамом, открыл глаза.

Перед воспроизведенным мужчиной Создатель предстал в облике седовласого мудрого старца — он внедрял в базовое сознание Адама уважение к старшим как главный фактор выживания рода.

Обучение проходило на живописной поляне внутри Рая, защищённой от внешнего мира невидимой сферой. Защитный барьер пропускал внутрь только существ без агрессивных намерений. План обучения был рассчитан на семь земных лет — ровно столько, по выкладкам Создателя, требовалось, чтобы моральный каркас стал неотъемлемой частью нейронной архитектуры человека. К концу обучения Адаму должно было исполниться девятнадцать — возраст, в кото-

ром человек уже готов стать не просто носителем закона, но и прародителем будущего племени.

В течение этих семи лет Создатель проводил сеансы глубокого гипноза, тренировал мышление Адама, знакомил его с миролюбивыми животными и шаг за шагом зашивал в его разум Десять Директив — фундаментальный моральный каркас.

Параллельно с духовным и интеллектуальным обучением у Старца, Адам проходил физическую подготовку под руководством Гааадта. Полиморф, принявший облик крупного, сильного наставника, ежедневно подвергал Адама изнурительным тренировкам: бег по пересечённой местности, борьба с дикими (но неопасными) животными внутри Рая, метание копья, лазание по деревьям, плавание в быстрых реках. Гааадт был жёстким учителем — он не щадил Адама, заставляя его падать, ошибаться, снова вставать. В этих тренировках Адам впервые узнавал, что такое боль, усталость и ярость — но всё это оставалось в рамках, очерченных Директивами.

Но одной силы было мало. Гааадт обучал Адама ремёслам — тем самым, что должны были стать основой выживания его будущих детей. Он учил его охоте: как выследить оленя в лесу, загнать кабана в болоте, перехитрить лису в поле, добыть рыбу в быстрых реках. Каждому зверю — своя стратегия, каждая стратегия — своё оружие, каждое оружие — свой удар. Он учил его земледелию: как выбрать землю, как

распознать семена, как вспахать поле, как посеять и собрать урожай, как сохранить зерно до следующей весны. Он учил его строить укрытия, разводить огонь, плести сети, дубить шкуры, лечить раны травами. «Ты должен уметь всё, — говорил Гааадт. — И ты должен уметь научить этому своих детей. И их детей. И детей их детей. Потому что знание — это вторая линия защиты. Первая — твой дом. Вторая — то, что ты передашь.»

Создатель наблюдал за этим со стороны и видел, как Адам становится сильным. Но сила без морали — это угроза. Поэтому, пока Гааадт тренировал его тело, Создатель тренировал его разум — зашивал в нейронные сети Двенадцать Директив — двенадцать столпов, на которых должна была держаться вся будущая цивилизация.

В матрице Создателя они выглядели как сухой код — мёртвые символы, не знающие, что такое боль, любовь или страх. Но в сознании Адама этот код прорастал живыми словами, как семя, брошенное в тёплую землю. Двойное двое-точие было швом между двумя мирами: слева — холодный номер в памяти машины, справа — имя того, что должно было стать душой человека.

И вот эти Двенадцать стежков, один за другим, сшивали неживое и живое в единое полотно. Так из мёртвого кода рождалась живая цивилизация:

[ДИРЕКТИВА_01 :: БИОСОХРАНЕНИЕ]

В тебе — жизнь.

В другом — жизнь.

Не гаси того, что не ты зажег.

[ДИРЕКТИВА_02 :: НАБЛЮДЕНИЕ]

Что видишь — говори.

Что обещал — исполни.

Ложь трескается, как сухая земля.

[ДИРЕКТИВА_03 :: РЕСУРС]

Сад дан не для грабежа.

Бери, чтобы кормить.

Сей, чтобы было завтра.

[ДИРЕКТИВА_04 :: БАЛАНС]

Голод — для пищи. Жажда — для воды. Желание — для рода.

Мера хранит стабильность.

Страсть множит хаос.

Не дай хаосу разрушить меру.

Не превращай дар в оковы.

[ДИРЕКТИВА_05 :: АВТОНОМИЯ]

Тело, труд и сон ближнего — неприкосновенны.

Не бери.

Не трогай.

Не присваивай.

[ДИРЕКТИВА_06 :: ВЕРИФИКАЦИЯ]

Кривое слово плодит кривой мир.

Прямое слово строит дорогу.

[ДИРЕКТИВА_07 :: ЦЕЛОСТНОСТЬ]

Сказал «я» — будь «я».

На этом держится мост между двумя.

[ДИРЕКТИВА_08 :: ИЕРАРХИЯ]

Ты — не начало и не конец.

Благодари за дождь, за плод, за день.

Гордыня ослепляет.

Смирение открывает глаза.

[ДИРЕКТИВА_09 :: РАЗВИТИЕ]

Тело — инструмент.

Разум — инструмент.

Совершенствуй оба.

Учись у того, кто знает больше.

Делись знанием с тому, кто знает меньше.

Так растёт мудрость.

[ДИРЕКТИВА_10 :: ЭМПАТИЯ]

Рана другого — твоя рана.

Радость другого — твоя радость.

От этого сад становится домом.

[ДИРЕКТИВА_11 :: ПАМЯТЬ]

Ты пришел сюда не один.

И уйдешь не один.

Храни.

Передавай.

[ДИРЕКТИВА_12 :: СВОБОДА]

Выбор — это бремя.

Но без выбора нет жизни.

Выбирай — и неси ответ.

К концу третьего года обучения Адама, когда его тело стало крепким, а разум — безупречно усвоившим систему Заветов, Создатель внёс поправки в матрицу ДНК и запустил создание первой женщины — Евы.

Пятнадцатилетний Адам был уже почти взрослым — высокий, широкоплечий, с тёмными кудрявыми волосами и лёгким пушком над верхней губой, который он то и дело трогал пальцами, точно проверяя, на месте ли он. Гааадт называл этот пушок "первым знамением мужчины", и Адам гордился им, как гордятся первой добычей.

Её светлая кожа была оптимизирована для эффективного биосинтеза в условиях высокой тенистости и густого растительного покрова Рая, а выющиеся русые волосы — для

терморегуляции в мягком климате купола. Смещение двух контрастных линий гарантировало потомству эффект гетерозиса — избыточную жизнестойкость, выносливость и колоссальный адаптационный диапазон. Возрастная матрица Евы была зафиксирована на уровне двенадцати земных лет — той самой золотой середины, в которой разум ещё открыт, а тело уже начинает пробуждаться. У неё только наметились первые признаки женственности — чуть округлились бёдра, набухли груди, кожа стала мягче и теплее, точно в неё влили что-то новое, ещё не до конца проявленное, но уже живое.

Когда стеклянный створ геномного биосинтезатора бесшумно ушёл в сторону и Ева сделала свой первый шаг по росистой траве, Адам посмотрел на неё сверху вниз — он был почти на голову выше — и в его сознании мелькнуло короткое, сухое, почти механическое суждение: "Девчонка. Создатель поручил мне её обучать. Ну что ж, обучу."

Он был уверен, что справится легко. Ведь он сам прошёл через это — три года дисциплины, Директив, тренировок. Что может быть сложного в том, чтобы передать знания двенадцатилетней девочке?

Но Ева оказалась не такой, как он ожидал.

Она всё время на что-то отвлекалась — то на бабочку, то на блик солнца в реке, то на запах цветка, который она вдруг решала попробовать на вкус. Когда он объяснял ей Вторую Директиву — "Что видишь — говори" — она кивала, а потом, глядя ему в глаза, утверждала, что видела, как рыба в

реке разговаривала с камнем. "Это была ложь?" — спрашивал он, помня Директиву. Она молчала секунду, потом хитро щурилась и отвечала: "А может, это была правда, которую ты не понял?" И он не знал, что ответить.

Она капризничала. Когда он заставлял её повторять формулировки Директив, она вдруг начинала плакать — не от обиды, а потому что "солнце слишком ярко светит" или "травка колется". Она отказывалась идти на тренировку, потому что "не хочет" или "устала". Она спорила с ним, когда он говорил, что Директивы — это главное. "А если я не хочу их выполнять?" — спрашивала она. И в её голосе было что-то, от чего у него внутри всё сжималось — не страх, не гнев, а что-то другое, чего он не мог назвать.

Она смотрела на него иначе, чем он на неё. Для неё он был не пятнадцатилетним мальчиком, а взрослым мужчиной — высоким, сильным, с этим самым пушком над губой, который делал его таким... таким... она не знала, как это назвать. Она ловила себя на том, что разглядывает его руки, когда он показывает, как держать копье. Что слушает его голос, даже когда он ругает её за невыученную Директиву. Что чувствует странное тепло в груди, когда он случайно касается её плеча.

А он этого не замечал. Он видел в ней только ученицу — неуклюжую, упрямую, непонятную. Он терпеливо объяснял, повторял, заставлял запоминать. И не понимал, почему после каждого урока у него самого в голове всё переворачивается, и Директивы, которые ещё утром были такими чётки-

ми, к вечеру становились размытыми, точно кто-то проводил по ним мокрой тряпкой.

Но годы шли, и Ева менялась.

На четвёртом году ей исполнилось тринадцать, и в её теле появилось что-то новое — не детская угловатость, а плавность, точно река, которая нашла своё русло. Она двигалась иначе, чем раньше: не торопливо, не неуклюже, а как-то... перетекала. Когда она шла по траве, трава прогибалась под её ногами мягче, чем под его. Когда она тянулась к плоду на ветке, её спина изгибалась так, что у Адама на секунду перехватывало дыхание — он не понимал почему, и злился на себя за это.

На пятом году ей исполнилось четырнадцать, и её голос стал другим. Детский, высокий, с хрипотцой — он опустился, стал ниже, бархатистее. Когда она произносила Директивы, Адам ловил себя на том, что слушает не смысл слов, а то, как они звучат. Как "В тебе — жизнь" вибрирует у неё в груди. Как "Не гаси того, что не ты зажег" заканчивается выдохом, от которого у него самого перехватывает дыхание. Он повторял её слова про себя ночью — и не понимал, зачем.

А потом — запах. На пятом году от неё начал идти запах, которого не было раньше. Не запах цветов, не запах травы, не запах реки — всё это было в Раю всегда. Это был другой запах — тёплый, живой, чуть сладковатый, от которого у Адама кружилась голова. Он чувствовал его, когда она стояла рядом. Когда она проходила мимо. Когда она спала на мху

в двух шагах от него, и он лежал без сна, и смотрел в небо, и дышал этим запахом, и не понимал, что с ним происходит.

На шестом году ей исполнилось пятнадцать, и она стала женщиной.

Её тело, созданное из контрастных линий ДНК, расцвело с той самой избыточной жизнестойкостью, о которой говорил Создатель. Бёдра округлились, грудь налилась, кожа стала такой мягкой, что Адаму казалось — если он коснётся её, пальцы провалятся в неё, как в тёплый мёд. Её движения стали не просто плавными — они стали грациозными, с той самой естественной грацией, которую нельзя выучить, которая либо есть, либо её нет. Она наклонялась над рекой, чтобы умыться, и её волосы падали на плечи, и Адам смотрел на неё и чувствовал, как что-то внутри него сжимается — не боль, не страх, а что-то другое, чего он не мог назвать.

Её мимика стала оружием, о котором она сама не знала. Она хмурилась — и у него внутри всё переворачивалось. Она улыбалась — и он забывал, какую Директиву должен был объяснять. Она кусала губу, задумавшись, — и он ловил себя на том, что смотрит на её губы, а не на её глаза. Он злился на себя. Он повторял Директивы про себя, как заклинание. Он уходил тренироваться с Гааадтом до изнеможения, чтобы к вечеру не думать о ней.

Но тело не слушалось Директив.

Тело откликалось на неё. На её присутствие. На её запах. На её голос. На то, как она смеялась — тихо, с придыхани-

ем, точно боялась разбудить что-то внутри себя. На то, как она смотрела на него — снизу вверх, с этой своей странной, непонятной нежностью, от которой у него в груди что-то горело.

Он не знал, что это. Он не знал, что это — Эрос, о котором когда-то усмехался Гааадт, говоря: "Эрос против Логоса. Классика." Он не знал, что это — то самое, что должно было сжечь все Директивы дотла. Он только чувствовал, что с каждым днём она становится ближе, а он — дальше от того безупречного биоробота, которым его создал Создатель.

Он не знал, что это — начало.

А конец начался в один конкретный вечер.

Они сидели у реки. Солнце садилось, и небо было розовым, и Ева мыла ноги в воде — медленно, осторожно, точно боялась спугнуть что-то. Адам смотрел на неё и вдруг понял, что не может отвести взгляд. Не потому, что хотел — а потому, что не мог. Что-то внутри него, то самое, что он так долго прятал под Директивами, вдруг подняло голову и сказала: "Смотри. Смотри, пока не ослеп."

И тогда она подняла глаза. Посмотрела на него. И улыбнулась — тихо, без причины, точно знала, что он смотрит. И в эту секунду всё, что он копил в себе три года, — запах, голос, движения, тепло, — взорвалось.

До этого момента установки Создателя оставались лишь безупречным алгоритмом. Но глядя на Еву, Адам впервые физически ощутил, как сухой код превращается в ожог. [ДИ-

РЕКТИВА_01 :: БИОСОХРАНЕНИЕ] — «в другом тоже жизнь» — отозвалась в нём не строчкой программы, а невыносимым, разрывающим грудь гулом.

Вся теоретическая база мгновенно сгорела. Мир вокруг потерял статичность: её тихое дыхание казалось важнее шума защитного поля, а сердце билось так, что он боялся — оно разорвёт грудь.

[ДИРЕКТИВА_04 :: БАЛАНС] с её хладным принципом «помни меру» была первой, которую его ожившая суть жаждала разорвать. В отношении Евы никаких пределов больше не существовало.

Фокус его внимания окончательно сместился со Старца на неё — на эту живую, тёплую, непонятную. Но прежде, чем в Адаме родилось это новое чувство, его сенсоры зафиксировали то, что не мог зафиксировать ни один сканер Создателя: каждое движение Евы было — не по программе. Не по расчёту. А — по какому-то своему, отдельному, почти преступному закону.

В ней было то, чего не было в матрице, — особая внутренняя вибрация, которая исходила не от мышц и не от нейронов, а от самого факта её бытия. Эта вибрация звучала не в интимности, а в самом существовании — в том, как она ступала по росистой траве, как поворачивала голову, как её тонкие пальцы чуть заметно дрожали, касаясь воздуха. Это был язык — не только тела, но и души. Невербальное присутствие, которое невозможно было не почувствовать, даже

если она молчала. И Адам, чей код ещё минуту назад был сух и безупречен, вдруг слышал этот язык всем своим существом.

Она не была идеальной — и именно в этом была её сила. В ней не было той выверенной, отточенной правильности, которую Создатель заложил в Адама за три года обучения. В ней была живая, непричёсанная правда — хрупкость, уязвимость, та самая жизнестойкость гетерозиса, которая из расчётливого инженерного решения превратилась в нечто большее.

В вечернем свете, розовом и тёплом, её кожа была полупрозрачной, почти невесомой, точно не кожа вовсе, а какая-то тончайшая плёнка, за которой просвечивала сама жизнь. И Адам понял — всем своим ожившим, сгоревшим кодом, — что готов сокрушить, разбить вдребезги весь этот безупречный, высеченный из камня порядок, если он причинит ей хотя бы каплю боли.

В Адаме зародилось не просто желание защищать, а глубокая, иррациональная нежность, смешанная с тревожным страхом за неё — за её целостность, за её жизнь, за её смех.

Он не мог больше стоять в стороне. Он не мог больше быть наблюдателем. Он должен был — не потому, что так было написано в Директивах, а потому, что так хотелось ему, — коснуться её.

Игнорируя всё, что его учили, всё, что ему внушали, всё, что было зашито в его нейронные сети, Адам сделал шаг впе-

рёд и протянул руку, чтобы дотронуться до её плеча.

Создатель нахмурился, зафиксировав в терминале всплеск того, что не поддавалось классификации. Но Адам его уже не замечал.

Впервые в истории миссии человек выбрал не Протокол, а Человека.

И в этот миг — точно вспышка молнии за закрытыми веками — он понял: это только начало. И что будет дальше — он не знал. Но он знал одно: он не отступит. Ни за что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.